

Библиографические ссылки

1. Ллойд, Р. Креативное пространство / Р. Ллойд. – Великобритания, 2009. – 226 с.
2. Портер, М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / М. Портер, пер с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 943 с.
3. Снапковская, С. В. Креативные индустрии в системе подготовки будущих культурологов / С. В. Снапковская // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 окт. 2019 г. / редкол. : С.А. Важник (отв. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2019. – С. 38-46.
4. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М. : Классика-XXI, 2011. – 430 с.
5. Хокинс, Дж. Креативная экономика / Дж. Хокинс. – М. : Классика-XXI, 2011. – 256 с.

GENIUS LOCI В «СКАЗКАХ СТАРОГО ВИЛЬНЮСА»

МАКСА ФРАЯ

М. М. Токарева

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: violaf696@mail.ru

В статье рассматривается формирование и существование гения локуса Старого города Вильнюса как самого по себе, так и в тандеме с Максом Фраем непосредственно в серии книг. Влияние духа места на видение города и мифологизацию городского пространства индивидуумом. Сущность гения локуса Старого Вильнюса.

Ключевые слова: семиотика города; Вильнюс; Макс Фрай; гений локуса; дух места.

GENIUS LOCI IN THE SERIES OF BOOKS OF MAX FREI «TALES OF OLD VILNIUS»

M. M. Tokareva

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural
Communications, Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: violaf696@mail.ru

The article considers the formation and existence of the genius of the locus of the Old Town of Vilnius, both in itself and in tandem with Max Fry directly in a series of books. The influence of the spirit of the place on the vision of the city and the mythologization of the urban space by the individual. The essence of the genius of the locus of Old Vilnius.

Key words: Semiotics of the city; Vilnius; Max Frei; genius loci; the spirit of the place.

Среди моделей рассмотрения города как семиологической системы огромное значение приобретает понимание самой концепции городского пространства. Непосредственно процесс семиозиса дает возможность разграничить знаковую систему путем извлечения и отдаления явления от повседневного контекста. Городом постоянно демонстрируется большое количество знаков, благодаря которым становится возможным объяснить всевозможные закономерности социального развития, преобразования в сфере культуры, а также структурную организацию городской техносферы.

Однако не только текст городского пространства лежит в основе создания, восприятия и последующего понимания его же концепции. Русский литературный критик, публицист и переводчик, филолог Н. В. Топоров, например, в работе о семиотике Вильнюса говорил не о тексте города, но о мифе. В этой работе, приуроченной к 400-летию Вильнюсского университета, он говорит о том, что с самим Вильнюсом и его окрестностями испокон веку было связано неисчислимое количество мифов и легенд. Оглядываясь назад, их появлению и вливанию в историю поспособствовали не только нередкие моменты выдающейся топографии городского пространства Вильни.

У многих ученых, в том числе и у Н. В. Топорова, складывается впечатление, что это сам город формирует, распространяет и хранит в себе свои легенды и мифы так, что некоторые из них, в особенности те, которые не раз пытались опровергнуть, как, например, в сюжете о четырнадцати францисканских монахах, принявших мученическую смерть при князе Ольгерде, или о виленских мучениках (Антонии, Иоанне и Евстафии), не теряют своего семиотического, информативного и смыслового значения. Различность векторов исторических и политических тенденций ранней польской историографии, литовского и русского летописания изредка, от текста

к тексту позволяют раскрыть точные причины и даже стимулы конкретных переработок соответствующих летописных текстов [9].

«Уместно сказать еще об одном обстоятельстве, ставящем историю Вильнюса (а отчасти и Литвы) в особые условия. Наличие Вильнюса уже в первой половине XIV века, когда его имя впервые надежно свидетельствуется источниками разных культурноязыковых элементов (литовского, славянского, позже – еврейского), как и исторические перипетии, выпавшие на долю Литвы, – то чрезвычайно расширявшей свои исторические границы, то, напротив, поглощавшейся другими государственными образованиями, определили известную независимость и даже некоторую обоснованность разных точек зрения в связи с одной и той же исторической реальностью» [3, с. 9].

Далее он рассматривает различные варианты происхождения названия самого города, родословной литовских князей, количественный и качественный состав ВКЛ, мифологии и лингвистическую общность множества однокоренных слов и понятий, названий в балто-славянских культурах, разбирает балто-славянскую мифологию, на примере некоторых мифов показывает, почему одни из них прочно закрепились в общественном сознании, а другие канули в небытие.

Также в своей работе «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» В. Н. Топоров говорит о том, что у городского пространства, связанного или отождествляемого с женским персонажем из близкой ему мифологии, что на самом деле не является большой редкостью, свидетельствует не только об его общей репутации, но также о внутреннем наполнении и общественном сознании народа, его населяющего.

Вильнюс у Фрая, а в особенности Старый город, как это зачастую бывает с городами, как это раскрывает саму суть их появления и существования – способ противостоять неизбежности конца, попытка переиграть главный порок и преимущество человеческого рода – его смертность. Вильнюс же по-своему особенный, по своей сущности, истории и культуре устраивающий себя на единый и неповторимый, волшебный, истинный лад.

Исторический центр Вильнюса похож на открытую книгу, он, имеющий в структуре едва ли с десяток прямых улиц, изменчив и обманчив по сути своей. Одновременно с тем, он же имеет строго

лимитированные возможности. Всего сто восемь улиц, о которых и идет речь в текстах Макса Фрая, что, в теории, могло бы означать ту же конечность и неизбежность, от которой город призван спасти человека, однако на практике дает совершенно противоположный результат: неисчерпаемость в полном объеме своих возможностей.

Как и во всех томах сказок, а этот проект все еще считается открытым, перед читателем изначально встает достаточно строгий концепт, заданный автором: одна улица приравнивается одной истории, одной, хоть иногда и по воле случая, попавшей на эту самую улицу судьбе. А структура в судьбах этих людей, если проанализировать сами тексты с подобающей тщательностью, в итоге оказывается практически одинаковой.

«Множество вариантов, – говорит Фрай устами одного из своих героев, – это то, что я люблю больше всего на свете» [11, с. 26]. И это то, что объединяет все рассказы в одну общую, спирально устремленную концепцию. Ведь множество вариантов могут быть даны лишь тому, у кого изначально – инвариант. И он таков: было нечто несовместимое, неприемлемое сутью, душой героя, та или иная преждевременная тень, падающая на саму концепцию жизни: смерть дорогого человека, травмирующее событие, неизлечимая болезнь, творческое или физическое истощение, полный моральный упадок. А после взаимодействия, «встречи» с улицей эта тень, в общем и целом, не исчезает, не рассеивается и не становится своеобразным, искаженным, но светом, ведь мертвые не воскресают, утраченные годы жизни не возвращаются, а сожженные мосты не восстанут из пепла. Однако тень эта героями принимается, осознается и, в редких случаях, даже ментально ощупывается, и жить становится сразу легче, ведь появляются новые пространства для существования и развития, которых раньше видно не было, а иногда – и другие герои, уже «повстречавшие» свою улицу.

В данном художественном произведении весьма четко прослеживается именно всемогущий и безликий типаж гения места. Он везде и нигде одновременно, он помогает людям, но совсем не так, как этого можно было бы ожидать от концепции чуда или магии. Совпадения, случайные стечения обстоятельств и сила интерпретационной субъективности человека играют едва ли не главную роль на его страницах.

Макс Фрай использует огромное количество культурных отсылок и почти незаметных, но очень могущественных деталей повседневности. Герои его сказок могут получать наслаждение угощая друг друга свежесваренным кофе, вплетая себе в волосы разноцветные ленты, поливая цветы, продавая антиквариат, встречаясь и расходясь друг с другом, подбирая на улице бездомных кота или собаку, вслушиваясь в мимолетность чужих разговоров или высоту пения птиц, рисуя на стенах безликих домов, перепрыгивая замерзшие лужи, пробуя дорогой алкоголь, выкуривая последнюю дешевую сигарету, заходя в теплое помещение после ветренной или холодной непогоды, замечая что-то новое во внешнем облике города или же во внутреннем состоянии самих себя, созваниваясь с друзьями или семьей по телефону, учась и ошибаясь, играя на музыкальных инструментах и играя в догонялки, созерцая природу, катаясь верхом на лошадях, вытирая пыль с самых высоких полок, заканчивая долгую или нудную работу, одеваясь в красивые или аккуратные одежды, открывая собственный бизнес или переезжая в другое место, выздоравливая после долгого, изнуряющего лечения или же едва не заболевая после одного из самых необдуманных поступков в их жизни.

Сами герои – тоже совершенно разные по природе своей люди. Волей-неволей любой читатель найдет того, кто придется ему самым близким по всем ощущениям и параметрам. От маленькой неусидчивой девчонки до престарелого дедули, от деловой бизнес-леди до солиста панк-рок группы, от юноши, влюбленного в цветы и краски до девушки, вкладывающей всю свою душу в точные науки, от тех, кто знает больше пяти языков и до тех, кто выучил только один, и то с огромным трудом, от людей, отчаявшихся найти смысл жить дальше до тех, у кого его было слишком много с самого начала.

Обретая смысл жизни, герои дарят самому городу некоторую осмысленность. Кажущаяся целебность гения локуса не берется из ниоткуда – каждая последующая история дополняет предыдущую, показывая совершенно разные проблемы в совершенно разных жизнях совершенно разных людей, а исход все равно один. Именно своеобразная, типичная для Фрая открытая концовка с претензией или намеком на практически во всех отношениях счастливый конец позволяет гению места Старого Города как такового ожить в его интерпретации автором. Удивительная способность орудовать

определениями, устраивать описательные моменты так, чтобы читатель наверняка почувствовал именно то, что ему нужно было бы почувствовать в данной конкретной ситуации, при этом, однако, сохраняя иллюзию индивидуального общения и обращения настолько, что по исчезновении самого эффекта или же прошествии некоторого количества времени после прочтения, полное погружение в атмосферу рассказа или «сказки» через воспоминания или ассоциативные ряды остаются максимально яркими и последовательными.

Макс Фрай, формируя такой образ гения локуса у тех людей, кто бывал в самом Вильнюсе лишь проездом или же не бывал вовсе, невероятным образом создает иллюзию полного познания. Будучи абсолютно не включенными в контекст культуры и подлинного духа места Старого Вильнюса, читатель, однако, чувствует себя совершенно иначе, ощущая несвойственное ему до этого единение с духом места, которое, по сути своей, ему до того было совершенно чуждо и непонятно.

Постоянно обращаясь к способности современного человека не только чувствовать, но и воображать чувство, никогда до этого не им не ощущаемое, автор выстраивает в чужом сознании не только образ города и его гения места, не только передает необыкновенную, присущую ему одному атмосферу, не только окунает читателя в культуру, быт и искусство определенно другой страны, отличного от его собственного содержания, но и создает ощущение почти что материального бытия не только в контексте культуры, но в самом городском пространстве. Та самая цельность, которой пропитан текст «сказок», а вместе с ним и дух места Старого Вильнюса, в конечном счете помогает не только герою, живущим на страницах произведения, но и непосредственно самому читателю.

Автор не говорит о чудесах, магии и вере прямо, оговаривая некоторые моменты так, чтобы они становились мостами от человеческого радио к авторскому волшебству. Темнота у Фрая – покорна и изменчива, ангелы затесываются среди обыкновенных людей, изредка говоря их голосами, а судьба творима самим человеком и вне зависимости от него одновременно. Понятия гения локуса и рока человеческого переплетаются здесь настолько же тесно, насколько перемежаются друг с другом по перекресткам и смыслам все многочисленные улицы самого Старого города Вильнюса. Человек здесь,

конечно, всегда в праве решать и сам, но от сторонней помощи отказываться не должен, иначе в следующий раз может так и не повезти.

Мастерски находя тонкую грань между материальным миром, миром тайных желаний и миром мистическим, Макс Фрай выстраивает в сознании читателя не слишком массивный, но достаточно крепкий мост от внешнего скептицизма или же, наоборот, чрезмерной склонности к мистификации, к внутренним, можно сказать даже заветным желаниям и чаяниям. Опираясь на опыт предыдущих книг, в особенности на «Лабиринты Ехо», где гений локуса также представлен особенно ярко, а главные герои не могут представить себе мир без магии, автор создает такой мир, который кажется только коррекцией существующего, а то и совсем настоящей действительностью.

Обращаясь не только к чувственному восприятию и возвышенным помыслам, но и к совершенно бытовым для читателя вещам, автор пробуждает в сознании его уверенность о том, что и он сам сможет так, стоит ему только захотеть, ведь город всегда идет навстречу тем, кто ходит на встречи к нему. То же самое можно сказать и о мистической, волшебной или даже магической составляющей как текста, так и самого города.

Например, герои с улицы Лапу. Один из них, мужчина без имени, идет покупать своей подруге, Анне, браслет. В его голове возникает одна очень четкая, но при этом до ужаса размытая ассоциация с нитью голубых бусин, которые он носил и очень любил когда-то давно, а теперь, к сожалению, даже не помнит, зачем носил. Он заходит выпить кофе, пьет и на самом выходе думает: «Вспомнил» [10, С.219]. Его мысли: «Больше всего на свете я тогда любил ходить в гости к другу, а потом возвращаться домой. Вроде бы он жил совсем недалеко от меня. Минут пятнадцать пешком, не больше. Но были какие-то трудности с дорогой. Какие именно? Не помню. Зато помню, что, отправляясь в путь, всегда обматывал запястье синим шнурком с бусинами... Ну да, точно же! Шнурок был нужен, чтобы ходить к другу. Без него я почему-то никогда не мог выйти на нужный перекресток, просто не получалось, и все. Хотя дорогу я вроде бы отлично знал... Или нет? Кажется, дорога каждый раз была немного другая. То через пустырь, то через рощу и овраг с ежевикой, то узкая мощеная мостовая между обнесенными заборами частными домами. И я, кстати, сам думал, что дорога спит и видит сны.

И я хоть и не сплю, а тоже вижу дорогины сны, пока по ней иду. Интересно все-таки в детстве устроена голова, и куда что потом девается» [10, С. 129].

Герой говорит о том, что его походы к другу были секретом для всех остальных, страшной тайной, которую он не имел права открывать. Он, пребывая в полной задумчивости, вспоминая о том, как уехал на лето в Клайпеду к бабушке, а родители взяли и выкинули все его «богатства», случайно идет не к себе домой, а по старой привычке – в родительский. Внимательно осматривает местность, думает о том, что ему все же снилось, а потом вновь и вновь вспоминает:

«А ведь точно! Путь к дому друга всегда начинался за гаражом дяди Джона. Надо было пролезть в щель между ним и стеной, сесть на корточки, намотать шнурок на руку, соединить бусины, синюю и зеленую, а потом можно идти в любую сторону, все равно не заблудишься.

И гараж – вот он, на месте. Удивительно прочное оказалось строение. Давным-давно побежден ржавчиной трофейный опель, ради которого был поставлен гараж, умер сам дядя Джон, и его маленькая смуглая жена с непривычным уху тягучем именем Наира, а бессмысленная жестянка все еще стоит в дальнем конце двора, что хочешь, то и делай.

Что хочешь, то и делай, вот именно.

Что хочешь, то и...

Что хочешь?» [10, С. 223].

И вот здесь герой идет этой неведомой силе из тандема автора и гения локуса навстречу, бросается в омут с головой, как все герой Фрая, хоть сколько-нибудь причастные к его произведениям. Эта «сказка», как и многие другие, кончается хорошо: «Дорога спала и улыбалась во сне» [10, С. 225].

В этой сказке также единожды упоминается имя этого самого друга – Нехиси. Этот герой еще не раз встретится читателю на страницах всех далее вышедших томов, ведь он является один из самых загадочных, и при этом самых беззаботных немногих повторяющихся персонажей данной серии книг. Иногда даже складывается впечатление, что он сам – не дух города, конечно, но его самый старший помощник, или вовсе единственный сын, вечно находящийся в дороге из-за нескончаемых поручений внетелесного отца.

Множественность самых невероятных отсылок: от Старшей Эдды, Одиссеи и «Фауста» Гете, до марки сигарет, биографии норвежского режиссера и популярной американской песни, а также, казалось бы, объективно самой обыкновенной, но субъективно очень важной для героев «сказок», мелочевки, еще больше привлекает читателя, позволяет ему померить в ту, казалось бы, недопустимую мистификацию, которой пропитаны тексты «Сказок старого Вильнюса».

Особенная кольцевая композиция некоторых ключевых моментов, вроде того, что случается с героем улицы Лапу, или же нарочное повторение не только структуры предложения в абзаце, странице или целой главе, но и целых мыслительных процессов создают ощущение существования никому не заметной, но вполне реально метафизической сети над городом, по которой не только случайные слова одних случайных людей становятся весьма дельными советами для других, но и так и не прозвучавшие, но очень важные и такие же случайные мысли беспорядочно кочуют из головы одного героя в голову другого.

Автор делает не только внешние отсылки к другим текстам или предметам, он также отсылает читателя к уже прочитанному им самим, а также еще предстоящему к прочтению, что видно при перечитывании особенно второго, третьего и пятого томов. Не только герои или улицы, но сами формулировки, кажущиеся в одном тексте лишними данными, оживают в другом контексте со всеми вытекающими последствиями, что не может не говорить не только об особенностях старого Вильнюса, но и об определенной степени гениальности и тонкой психологичности самого Макса Фрая.

История Старого города, история самого Вильнюса, история человека в нем переплетается в вековом многообразии языков и народов, с особенной синкретичностью культур и семиотических систем поменьше, в свою очередь структурно соединяющихся в огромных размеров систему, которую легче прочувствовать интуитивно, нежели чем исследовать, ведь во всех случаях сегменты этой системы субъективны, и, вместе с тем, накладываясь друг на друга – объективно похожи. Возможно, именно поэтому такому очевидно различному множеству читателей удастся безболезненно, в кратчайшие сроки и не зная ничего о культуре старого города Вильнюса до этого так глубоко, плавно и вместе с тем практически мгновенно погрузиться непосредственно саму атмосферу.

Именно в том, как и с помощью каких метафор и понятий Макс Фрай описывает те или иные события и ситуации, заключается особенная манера его повествования. Несмотря на то, что атмосферность Старого города несомненно первична, автор выступает не только в качестве модификатора, а текст не столько как способ донесения информации, сколько как способ обличить невыразимую составляющую города, самого гения локуса, который до этого в полноте своей выражен по сути и не был.

Многообразии героев, ситуаций, их трактовок и мировоззрений направлена не только на факт нахождения любым читателем подходящего ему персонажа, но также на выражение этой самой полноты духа места, рассмотрения его со всех сторон и во всех аспектах, показательная демонстрация его характера в зависимости от части города, а именно – улицы. Именно атмосфера, легенда или даже просто название самой улицы, переулка или проспекта чаще всего дает «сказке» не только специфическую наполненность, но и конфликт, заложенный в ее основании, а также некоторые черты характера связанного с ней героя. Само наличие этой четкой привязки при всей кажущейся хаотичности переплетения человеческих судеб и мыслей дает читателю ощущение твердой земли под ногами, позволяет поверить в нереальное благодаря обращению к детализации реального.

Семиотика городского пространства у Макс Фрая выстроена не столько на конфликте желания человека жить и неизбежности его смерти, сколько на неосознанном его стремлении этот факт понять и принять для того, чтобы до самого, пускай и неизбежного конца, наслаждаться жизнью и собственным в ней бытием. Невозможность примирения человека с мыслью о смерти и влияние факта незнания того, что будет после, позволяет «сказкам» проникать достаточно глубоко в сознание читателя для того, чтобы некоторым образом менять его. Не твердое обещание, но намек на возможное существование силы, неподвластной пониманию и не поддающейся объяснению мастерски влетается автором в повседневную жизнь человека обыкновенного, тем самым делая «сказку» намного более реальной. Гений места здесь как будто целебен, а множественные описания, рефрены, неологизмы и кросскультурные отсылки позволяют автору оплести и без того богатую семиотическую структуру Старого города сетью индивидуального, но настолько интуитивно истинного и понимающего восприятия, что для

читателя оно становится путеводной нитью если не изнутри собственного бытия, то по самому городу – точно.

Библиографические ссылки

1. Christian Norberg-Schulz. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. – 1976. – № 4. – Р. 3–10.
2. Балла-Гертман М. Небесные сквозняки дуют без наших просьб. Город как способ противостояния смерти [Электронный ресурс] / М.Балла-Гертман. – Режим доступа: www.svoboda.org/a/25015661.html. – Дата доступа: 02.02. 2020.
3. Касаткина С. С. Семиотический подход к исследованию города как системы // Философская мысль. – 2017. – № 6. – С. 101–110.
4. Левкиевская Е. Е. Духи локусов // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. – Т.1. – М. : Международные отношения, 1999. – 559 с.
5. Лоренс Дейвид Герберт // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
7. Портнов, А. Н. Знаковая функция как междисциплинарное понятие // Вестник Ивановского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 2. – С. 3–22.
8. Топоров, В. Н. Vilnius. Wilno. Вильна: Город и миф. / В. Н. Топоров // Балто-славянские этноязыковые контакты ; от. ред. Т. М. Судник. – М. : Наука, 1980. – С. 3–71.
9. Топоров, В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1987. – С. 121–132.
10. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса : [рассказы] // Макс Фрай. – СПб. : «Торгово-издательский дом «Амфора», 2013. – Том 2. – 480 с.
11. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса : [рассказы] // Макс Фрай. – СПб. : «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 3. – 480 с.